

защиты прав и свобод человека, его жизни и здоровья. Биомедицинская этика представляет собой практическую философию профессиональной медицинской деятельности, так как защищает фундаментальные человеческие ценности – право человека на жизнь и здоровье, автономию личности и свободу выбора, разрабатывает современное морально-этическое обеспечение медицинской науки и практики, помогает осознать моральные коллизии и дилеммы, которые характерны для медицинской деятельности и одинаково значимы для врача и для пациента [4, с. 6–17].

Таким образом, формирование профессиональной компетентности медицинского работника включает в себя как активное стремление к углублению своих медицинских познаний и овладению специальными умениями и навыками («качество медицинской помощи не может быть выше полученного образования»), так и сознательную целевую детерминированность медицинского образования и врачебной деятельности высшими нравственными ценностями. Воспитание и образование будущего медика строится на когнитивных достижениях современных биомедицинских исследований и базируется на аксиологических основаниях философии и биоэтики, которым принадлежит значимая роль в гуманизации образовательной среды медицинского университета. Знание биомедицинской этики как практической философии медицинской деятельности, осознанное принятие нравственных норм и правил позволит студентам-медикам целенаправленно изучать профильные дисциплины и сохранять достоинство профессионала, знания и умения которого должны обеспечивать использование достижений современной медицины только для блага человека.

Список литературы:

1. Сайганова, В.С. Образование как атрибут бытия человека в глобализирующемся мире / В.С. Сайганова // Социальное воспитание. – 2021. – № 1(15). – С. 4–11.
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. – М., 1962.
3. Цит. по: Сгречча, Э. Биоэтика / Э. Сгречча, В. Тамбоне – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – 413 с.
4. Биомедицинская этика и коммуникации в здравоохранении: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А.Т. Щастного. – Витебск: ВГМУ, 2018. – 310 с.

Лисов А.Г.

**ИДЕОЛОГИИ ЛИЛИПУТИИ И БЛЕФУСКУ
КАК ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОРОКА ЛЮСТРОГА**

Ключевые слова: герменевтика, идеология, либерализм, Лилипутия, «Путешествия Гулливера», Свифт Джонатан.

Выдающийся немецкий философ и теоретик культуры 20 века Вальтер Беньямин, говоря о роли книги в культурной традиции общества, писал, что они могут нередко оцениваться как девки – «в юности распутница, в старости ханжа»; сколько книг, на которых в нынешние времена воспи-

тывают молодежь, пользовалось в свое время дурной славой?! Эти слова в полной мере можно отнести к произведению Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера». Первое издание сочинения, состоящего из четырех частей, было опубликовано в 1727 г., после того, как первые две части, изданные по отдельности без указания имени автора, приобрели широкую популярность. Однако это прижизненное издание не было полным авторским текстом, не стало оно и каноническим. На протяжении почти трех столетий издатели по разным мотивам редактировали и сокращали текст. Острая социальная сатира, которая по ряду причин не может быть издана с сохранением всех авторских замыслов и сегодня, в пересказах, мало отвечающих этим замыслам, представляется в современности доброй фантазией для детей. Детский вариант сочинения вышел в России в издательстве М.О. Вольфа в 1869 г., но в классическом своем виде книга воспринимается взрослой аудиторией иначе, нежели детской. Современные русскоязычные издания книги выходят в двух переводах с английского языка, имеющих между собой «родовую связь» – Б.М. Энгельгардта [6], со значительными купюрами оригинала, меньшим по объему, и А.А. Франковского [5], несколько расширенным.

Являясь сатирой на современное британское общество, книга рисует картины четырех путешествий врача и мореплавателя Лемюэля Гулливера в фантастические страны Лилипутию, Бробдингнег, Лапуту, Барнибарби, Лаггнегг, Глаббдобдриб и, наконец, Гуигнгнмов. Самым привычным и знакомым для уха современного читателя в ряду мест странствий Гулливера является – Япония.

Повествование о названных странах – это целый мир, созданный фантазией писателя, с его бытом, культурой, политической жизнью и историей. Существенно важным замечанием автора в окончании повествования о путешествиях героя является то, что Свифт настоятельно отстаивает правдивость автора, указывая на то, что заботился «не столько о прикрасах, сколько об истине», стремился «просвещать людей, воспитывать в них добродетель, совершенствовать в них ум», а не сочинять описание диковинных картин, далеких от действительности [6, с.308]. Говоря об истинности научного знания в главе о четвертом путешествии Гулливера, Свифт пишет: «...в нашей стране имеется многочисленное сословие людей, которые с молодых лет обучаются доказывать, что белое – черное, а черное – бело, смотря по тому, за что им больше заплатят. Это сословие держит в рабстве весь народ» [6, с.267-268].

Значительный фрагмент в повествовании о третьем путешествии Гулливера в Глаббдобдриб, что «означает Остров чародеев, или волшебников», посвящен характеристикам его властителей. Обращает на себя внимание следующее замечание автора: «Благодаря хорошему знанию некромантии правитель обладает силой вызывать по своему желанию мертвых и заставлять их служить себе в течение двадцати четырех ча-

сов...» [6, с.209]. Далее идет описание того, как призраки служат правителю в буквальном смысле этого слова: охраняют, выполняют функции лакеев, поднося и убирая кушанья и т. д. Другими словами, прошлое служит современности не великими деяниями и грандиозными замыслами; современные Свифту «чародеи» тешат свое мелочное тщеславие, *заставляя прошлое прислуживать за обеденным столом* /выделено мной – А.Л./.

Общаясь с сильными мира сего из далекого прошлого, автор иронично развенчивает легенды, с ними связанные, не умаляя при этом их личных достоинств. И здесь целый фрагмент посвящен истории: «Особенно сильное отвращение почувствовал я к новой истории. Я хорошо познакомился с людьми, которые в течение прошедшего столетия пользовались громкой славой при дворах королей. Меня глубоко удивило, в каком заблуждении держат мир продажные писаки, приписывая величайшие военные подвиги трусам, мудрые советы – дуракам, искренность – льстецам, римскую доблесть – изменникам, набожность – безбожникам, *целомудрие – содомитам*, правдивость – доносчикам. Я узнал, сколько невинных и превосходных людей было приговорено к смерти или изгнанию вследствие происков могущественных министров, *подкупавших судей, и партийной злобе*. Сколько негодяев возводилось на высокие должности, облакалось доверием, властью, почетом и осыпалось материальными благами. *Какое огромное участие принимали в решениях дворов, государственных советов и сенатов сводники, проститутки, паразиты и шуты*. Какое невысокое мнение о человеческой мудрости и честности составилось у меня, когда я получил правильные сведения о пружинах и мотивах великих событий и переворотов и о тех ничтожных случайностях, которым они обязаны своим успехом» [6, с.215; сравнить с 5; выделенные курсивом места в расширенном переводе – А.Л.]. В продолжение к этим мыслям, высказанным Свифтом, можно вспомнить знаменитую фразу автора романа-антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла: «Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым» [4]. Это хорошо известное высказывание означает стремление любой власти трактовать прошлое так, как полезно и выгодно ей, выбирая и объясняя исторические факты, события таким образом, чтобы они оправдывали её нынешние действия, современную политику. Здесь же можно вспомнить известную фразу Фернана Броделя, который говорит об историке, выполняющем идеологический заказ: «Для историка понять вчерашний и понять сегодняшний день – это одна и та же операция» [2, с.206].

Важным компонентом любой идеологии, объединяющей стратегии будущего, является интерпретация базового источника. И здесь возникает герменевтическая проблема. На примере произведений Дж. Свифта это хорошо можно проследить. И сам автор в другом своем сочинении довольно иронично ставит герменевтическую проблему. В «Сказке бочки» он пишет о возможных интерпретациях его собственных текстов, что «Было бы

крайне желательно, и я скромно предлагаю здесь в виде опыта, чтобы каждый христианский государь отобрал в своих владениях по семи самым прославленных ученых и наглухо запер их на семь лет в семи комнатах с приказанием написать семь обширных комментариев на мое всеобъемлющее рассуждение. Осмелюсь утверждать, что какие бы различия ни обнаружались в их догадках, все они без малейшей натяжки могут быть выведены из текста» [5, с.463]. Речь идет о семи возможных интерпретациях его текста, как и любого другого источника.

Самую разнообразную и яркую картину мы получаем из повествования о первом путешествии Гулливера в Лилипутию. Это обширные сведения о ее нравах, культуре, истории, политике. Мы узнаем об отношениях Лилипутии с соседним островным государством Блефуску, их конфликте и источнике этого конфликта. Герою романа они сообщаются из уст высокого придворного вельможи Рельдреселя. Из рассказа мы знаем, что Лилипутия – островное государство, расположенное в южной части Индийского океана. Оно отделено от соседнего острова Блефуску каналом шириной 800 ярдов. Столицей Лилипутии является город-крепость Милдендо, расположенный на западной стороне острова. Лилипутская и блефусканская флора и фауна удивительно малы, средний взрослый человек не выше шести дюймов с другими организмами аналогичного телосложения. Лилипутия была впервые открыта европейцем Лемюэлем Гулливером в 1699 г. во время его первого путешествия.

Рассказ об истории страны – повествование о конфликте с соседним народом Блефуску с начала 1600-х гг. Принц Лилипутии в это время за завтраком порезал палец, разбивая яйцо с тупого конца, как было принято по традиции. Это событие послужило поводом ко многим другим в истории и, в итоге, к ожесточенной войне. Описание в книге слишком обширно, чтобы стать здесь цитатой [6, с.44]. Тогдашний император издал указ, повелевающий всем своим подданным разбить яйцо с острого конца. Это вызвало большие споры, так как сторонники оппозиции интерпретировали религиозный текст «Блундекраля» как запрещающий разбивать яйца неудобным способом. Новый закон императора вызвал столь сильное негодование, что из-за него было поднято шесть восстаний, в ходе которых один император-лилипут был убит, а другой свергнут. Нация Блефуску предложила убежище тем, кто спасался от преследований официальных властей Лилипутии. Одиннадцать тысяч человек, фанатиков скорее были готовы умереть, чем разбивали яйца с острого конца. Правители Блефуску поддерживали и поощряли народные волнения, укрывая бунтовщиков в своих владениях. Там печатались прокламации и брошюры. И далее в тексте сообщается: «В Лилипутии движение тупоконечников было давным-давно запрещено, его сторонники лишились права занимать государственные должности, а их книги преданы огню... Все еще больше осложнилось, когда с острова Блефуску в нашу сторону прозвучали обвинения в ереси и

расколе. Мы, по утверждению их теологов, исказили основной догмат нашего великого общего пророка *Люстрога*. В пятьдесят четвертой главе духовной «Книги Алкорана» сказано: «*Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее*» /выделено мной – А.Л./ . А какой конец – тупой или острый – считать удобным? Как по мне, – сообщает придворный чиновник, - так это личное дело каждого верующего. В общем, началась полемика, сопровождаемая теперь уже религиозными волнениями, были написаны и отпечатаны сотни томов, посвященных этому вопросу, однако все оказалось без толку и отношения между нашими странами окончательно испортились. А изгнанники-тупоконечники нашли убежище в империи Блефуску и приобрели огромное влияние на тамошних правителей. И вот эта ужасная война тянется уже тридцать шесть лун, и ни одна из враждующих сторон не добилась решающей победы...» [6, с.45]. Разумеется, правители Лилипутии ищут союзника в лице Гулливера, или Человека-Горы, как его прозвали.

Могут показаться забавными описания политической структуры лилипутянского общества. Это повествование о двух политических партиях. Двумя крупнейшими соперничающими политическими партиями в империи Лилипутии являются партии тремексенов и слемексенов. Последователи тремексенов различимы по высоким каблукам их обуви, в то время как последователи слемексенов – по их низким каблукам. Партия тремексенов в основном консервативна и поддерживает древнюю Конституцию Лилипутии. Однако император Лилипутии в 1699 году благоволил слемексенов и допустил в администрацию только людей на низких каблуках. Император в это время описывается как имеющий каблук ниже, чем у любого из его придворных, что свидетельствует о его симпатиях к слемексенам. Напряженность между сторонниками тремексенов и слемексенов настолько высока, что они отказываются вступать в переговоры друг с другом или даже есть, пить или разговаривать друг с другом. Забавно и другое наблюдение придворного, которое касается позиции принца, наследника императора: «...есть основание опасаться, что его императорское высочество, наследник престола, питает некоторое расположение к Высоким Каблукам. Один каблук у него выше, вследствие чего его высочество немного прихрамывает» [6, с. 42].

Правовая система Лилипутии основана на вознаграждении и наказании. Например, если гражданин Лилипутии способен представить доказательства того, что он соблюдал законы, он имеет право на определенные привилегии, ему выдается определенная сумма денег вместе с символическим названием «Снилполл» [6]. Образ Справедливости в Лилипутии – это образ женщины с шестью глазами, двумя спереди, двумя сзади и по одному с каждой стороны. В правой руке она держит открытый мешок с золотом, а в левой – меч в ножнах, чтобы показать, что она больше склонна вознаграждать, чем наказывать.

Информаторы и государственные преступники Лилипутии подвергаются суровому наказанию, но если обвиняемый будет признан невиновным в предполагаемом преступлении, его обвинитель вместо этого будет казнен. Затем невиновному лицу вчетверо возмещается из имущества его обвинителя потеря времени, опасность для его жизни, лишения свободы и все расходы, понесенные при его защите. Если средств его обвинителя недостаточно, то невиновный человек получает компенсацию от власти. После этого император делает знак своей милости оправданному лицу, и распространяется весть о его невиновности.

Мошенничество, как правило, считается более тяжким преступлением, чем кража, и карается смертной казнью. Лилипуты считают, что, хотя человек может позаботиться о том, чтобы избежать воровства, честные люди часто бывают уничтожены теми, кто обладает высшей хитростью, особенно, в условиях свободного рынка.

Заняты ученые споры, которые ведут персонажи романа, например, о взимании налогов, «чтобы население не слишком чувствовало их тягость». В споре двух профессоров один предлагает «облагать налогами пороки и безрассудства, а решение вопроса, сколько с кого брать, предоставить особому комитету из местных жителей, которые, конечно, могут беспристрастно оценить пороки своих соседей», второй «отстаивал прямо противоположное мнение: обложению должны подлежать те душевные и физические качества, которые люди больше всего ценят в себе: величина взноса должна определяться самим плательщиком в зависимости от его мнения о самом себе. Обложению высоким налогом подлежат остроумие, храбрость и учтивость» [6, с. 205–206].

Джонатан Свифт, священник англиканской церкви, декан собора Святого Патрика, доктор богословия, сблизившийся с оппозиционной партией вигов, автор острых сатирических произведений, издававшихся, по преимуществу, без указания авторства, был современником эпохи становления идеологии либерализма. В сочинениях Свифта, и прежде всего, в его бессмертном романе «Путешествия Гулливера», издание которого в скором времени будет отмечать 300-летие, выражены характерные для этой идеологии отношения к государству, власти, идеологии. Итогом всех рассуждений является соображение о том, что основанием идеологии может быть любая идея начиная от суждения о том, каким образом следует разбивать яйцо за завтраком, и заканчивая тем, как следует намазывать маслом бутерброд – сверху или снизу, как в знаменитой сказке Доктора Сьюза «Хроника бутербродной войны» [3]. Важно, что эта идея приобретает определенное социально-групповое значение и становится инструментом для решения политических задач. Теоретическим основанием для идеологии становится источник, который предполагает из множества возможных толкований то, которое отвечает требованиям власть предержащих, что и предполагает интерпретационное насилие [1].

Список литературы:

1. Беньямин, Вальтер. К критике насилия / Вальтер Беньямин [Электронный ресурс] / сокр. пер. с нем. И. Чубарова // Культиватор. – 2011. – № 1. – С. 114–126. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/kultivator-1/10999-valter-benyamin-k-kritike-nasiliya.html>. – Дата доступа: 08.10.2021.
2. Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.
3. Доктор Сьюз. Хроника бутербродной войны / пер. В. Борисова. – М.: 2017. – 26 с.
4. Оруэлл, Джордж. 1984. / пер с англ. В. Голышева. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 318 с.
5. Свифт, Дж. Малое собрание сочинений / Джонатан Свифт – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 608 с.
6. Свифт, Дж. Путешествия Лемюэля Гулливера: Роман / пер. с англ. Б.М. Энгельгардта. – СПб.: Изд. группа «Лениздат», 2014. – 320 с.

Малахов Д.В.

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «СВИДЕТЕЛЬСТВА»
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ**

Ключевые слова: Холокост, феноменология, герменевтика, событие, свидетельство, оправдание, Деяние.

Специфика нацистских лагерей смерти и актов тотального уничтожения еврейского населения указывает на уникальную черту исторической памяти Беларуси: в духовную, социально-политическую и историко-культурную сферы бытия белорусского общества вступает событие Холокоста, изменившее весь культурный строй послевоенной Европы. Исторически судьба белорусского народа оказалась глубоко переплетена с судьбой народа Израиля и, в конечном счёте, белорусы разделили с ним подвиг и жертву, войдя в события Войны, «огненных деревень», лагерей смерти и массовых казней.

Обращение к феноменологии применительно к актам свидетельствования о Холокосте имеет под собой ряд оснований. Феноменологический метод, будучи обеспечен такими процедурами, как семантический анализ символов, порядок переживания “насыщенных” феноменов и конституирования коррелятивных им комплексов значений, установление закономерностей корреляции внешнего (исторически объективного) и внутреннего (исторического субъективного) времени и т.д., позволяет выявить предметные сферы, которые прежде не рассматривались при изучении феномена свидетельства в качестве приоритетных – историко-культурные и теологические горизонты личного свидетельствования. Поясним в общих чертах принцип феноменологического обращения к фигуре свидетеля и акту свидетельства.

Попытки западной философии осмыслить Холокост не связываются с вопросами, которые могут указать на истинное значение этого события: *что именно сделали жертвы, а не их палачи? может ли запредельное*